

DOI 10.35775/PSI.2025.118.6.050

УДК 32.327

ЛЮЙ ЧЖЭНЬЖУН

аспирант кафедры политологии Востока
Московского государственного университета имени
М. В. Ломоносова, Китай

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ: Н.С. КУЛЕШОВА

доктор философских наук, профессор
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ПЕРСПЕКТИВА СОПРЯЖЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И РАЗВИТИЯ ШОС

Центральноазиатский регион включает несколько государств, в данном исследовании рассматриваются пять бывших советских республик: Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан и процесс формирования их коллективной идентичности в рамках механизмов международного сотрудничества. С 90-ых годов эти страны последовательно развивают процесс региональной интеграции – от подписания Договора о едином экономическом пространстве (1994) до создания консультативных встреч глав государств Центральной Азии (2018). После длительного периода поиска подходящего пути развития страны достигли консенсуса: стимулирование развития регионального сотрудничества и интеграционных отношений являются ключевым фактором повышения статуса в иерархии международных отношений.

В рамках исследования проведен комплексный анализ трех аспектов деятельности государств: динамика количества, содержательные характеристики и стратегическая ценность предложений и проектов пяти государств в рамках ШОС с помощью количественного анализа данных и текстового изучения документов. Эти пять государств постепенно с роли «последователь решения державы» превратились в новых международных игроков, обладающих региональным влиянием в международной системе.

ШОС, являясь одной из важных международных организаций с участием ЦА, играла роль в процессе интеграционного развития региона. В данной статье будет рассмотрен вопрос о том, соответствуют ли направления будущего развития ШОС и государств ЦА.

Ключевые слова: центрально-азиатский регион, интеграция, ШОС, декларации и заявления ШОС, международные отношения.

Эволюция интеграционного процесса пяти государств Центральной Азии. В 1991 году обретшие независимость центральноазиатские государства

столкнулись с проблем в экономической, социальной и политической сферах, для решения которых лидеры государств ЦА сначала проявляли активную позицию в отношении регионального сотрудничества, предпринимая такие шаги, как проведение диалога, подписание договоров и вступление в региональные организации. Таким образом, интеграционные попытки ЦА продолжаются с 1991 года по настоящее время.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 3; 5; 7; 8; 11; 14; 16; 17; 21].

Однако проблему сопряжения центрально-азиатской интеграции и развития ШОС нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Из-за недостаточной внутренней движущей силы интеграции и участие внешних держав в дела региона ЦА пока не удалось создать региональный интеграционный союз.

В целом процесс интеграции в ЦА можно разделить на три этапа:

Первый этап длился с 1994 по 2005 год. В 1993 году после краха российского рубля государства ЦА планировали создать центральный банк с использованием национальных валют. В 1994 году Казахстан и Узбекистан подписали «Договор о создании единого экономического пространства», к которому позже присоединился Кыргызстан (1). Этот договор стал первой официальной попыткой центральноазиатских государств создать рамки регионального экономического сотрудничества, направленные на содействие региональной торговле и экономической интеграции путем устранения тарифных барьеров и унификации экономических правил. Договор способствовал созданию Центральноазиатского союза, к которому Таджикистан присоединился в 1997 году после окончания гражданской войны. В 1998 году Центральноазиатский союз был преобразован в Центрально-Азиатское экономическое сообщество. В 2002 году Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан объявили о создании организации Центрально-Азиатского сотрудничества, которая заменила Центрально-Азиатское экономическое сообщество. В 2004 году Россия вступила в эту организацию, и под ее руководством в 2005 году организация была включена в Евразийское экономическое сообщество [2. С. 19-24].

С 2005 по 2018 год под влиянием различных факторов процесс центральноазиатской интеграции вошел в период застоя.

Внутри Центральноазиатской пятерки существуют противоречия и конфликты. В водопользовании Таджикистан и Кыргызстан, расположенные в верхнем течении рек, зависят от гидроэнергетики и стремятся к строительству крупных ГЭС. В то же время Узбекистан, Казахстан и Туркменистан на нижнем течении нуждаются в трансграничных водных ресурсах для орошения сельхозугодий. Это вызывает острые противостояния: например, президент Узбекистана И.А. Каримов в отношении Рогунской ГЭС многократно выступал с возражением,

что «Все может усугубиться настолько, что это может вызвать серьезное не то что противостояние, а даже войны». Кроме того, между ними сохраняются территориальные споры: между Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном в Ферганской долине остаются участки с неопределенными границами [6. С. 100-105]. И еще существуют конфликты по поводу права транзита и установления цен на энергоресурсы. Экспорт природного газа из Туркменистана осуществляется через трубопроводы, проходящие по территории Узбекистана, в связи с чем между двумя странами постоянно возникают вопросы, требующие согласования в отношении трансграничных тариф.

Президенты Узбекистана И.А. Каримов (1991-2016) и Казахстана Н.А. Назарбаев (1991-2019), как лидеры двух крупнейших держав региона, вели ожесточенную борьбу за лидерство в регионе. Туркменистан объявил о нейтралитете, отказываясь участвовать в каких-либо региональных организациях. Эти факторы привели к ухудшению внутренних отношений в пяти странах ЦА, что затруднило процесс многостороннего сотрудничества в регионе и создало серьезные препятствия для формирования коллективной идентичности.

В-третьих, вмешательство внешних сил в дела ЦА еще больше усугубило раскол в регионе. Россия через Организацию Договора о коллективной безопасности предоставляет военную помощь Кыргызстану и Таджикистану, а также импортирует природный газ из Туркменистана и Узбекистана, усиливая зависимость государств региона от России в сфере безопасности и экономики. США в 2001 году создали военно-воздушную базу(2) в Кыргызстане, продвигает механизм «С5+1»; Китай продвигает инициативу «Один пояс, один путь», чтобы быстро стимулировать экономическое развитие и повысить эффективность сотрудничества, в основном заключая двусторонние соглашения вместо создания многосторонней координационной платформы, которые объективно усиливает конкуренцию между странами.

На данном этапе государства ЦА придерживаются позиции «каждый сам за себя», дистанцируются от концепции единой «пятерки ЦА» и демонстрируют внутреннюю конкуренцию. Это препятствует экономическому развитию региона, а отсутствие солидарности негативно влияет на их позиции в мире. При участии в международных делах они часто склонны к компромиссам и следования предложений других игроков, что ограничивает их самостоятельность.

В 2018 году по инициативе нового президента Узбекистана Шавката Мирзиёева лидеры пяти центральноазиатских государств провели первую Консультативную встречу глав государств Центральной Азии в Астане. Эта встреча открыла новую главу в сотрудничестве между странами региона. На встрече был официально учрежден механизм консультативных встреч глав государств Центральной Азии, который обеспечивает ежегодные саммиты лидеров и создает платформу для сотрудничества пяти государств в приоритетных областях. В последние годы в рамках этого механизма государства опубликовали ряд совместных заявлений, подписали «Концепцию многостороннего взаимодействия стран Центральной Азии» и существенно расширили тематику

регионального сотрудничества. Таким образом, с 2018 года по настоящее время центральноазиатская интеграция вступила в фазу активного развития [4. С. 548].

С тех пор государства ЦА постепенно пришли к общему пониманию необходимости сплотиться перед лицом общих вызовов. Выступая как единое целое в международных делах, они смогли добиться большей дискурсивной силы, усилить влияние на региональное развитие и также обеспечить взаимную выгоду и общий прогресс.

Трансформация позиции государств ЦА сквозь призму ШОС. В августе 2024 года в Астане состоялся шестой саммит глав государств ЦА, на котором президент Казахстана Касым-Жомарта Токаев подчеркнул, что «Успешная Центральная Азия – это Успешный Казахстан». С 2018 года мы наблюдаем расширение сотрудничества в ЦА с двустороннего на многосторонний уровень, а также возобновление некоторых ранее отложенных проектов. Кроме того, в повестке дня государства ЦА постепенно переходят от реагирования на предложения других к выдвиганию собственных. В области дипломатии они также демонстрируют более единую позицию. Во время войны в Афганистане в 2001 году Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан разрешили США разместить военные базы на своей территории, а в 2021 году все пять стран последовательно отклонили просьбы США о размещении баз (3).

Сравнивая частоту использования пяти слов «Центральная Азия», «Узбекистан», «Казахстан», «Таджикистан» и «Кыргызстан» и их синонимов в декларациях, коммюнике и заявлениях ШОС, можно прийти к выводу, что активность государств ЦА в международных организациях значительно возросла.

По данным таблицы, в 2001-2006 годах пять государств ЦА относительно редко упоминались в документах ШОС (Узбекистан – 10 раз, Казахстан – 9 раз, Таджикистан – 8 раз, Кыргызстан – 8 раз), причем основное внимание уделялось традиционным вопросам безопасности, таким как «укрепление военного взаимодоверия» и «сотрудничество в борьбе с терроризмом» (Декларация о создании ШОС от 2001 года) (4). На этом этапе страны участвовали в сотрудничестве на основе независимости и еще не сформировали четкого регионального сознания.

В период с 2007 по 2018 годы наименования четырех государств центральноазиатского региона встречались в текстовых источниках с меньшей частотностью, чем словосочетание «Центральная Азия». Упоминания соответствующих топонимов ограничивались преимущественно номинативными функциями в рамках процедурных разделов, связанных с представлением участников совещательных мероприятий. Исключением стал 2010 год, когда Кыргызстан был трижды упомянут в связи с внутривнутриполитической обстановкой в стране (5). Основной проблематикой, связанной с центральноазиатской тематикой, выступали: Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, Протокол о гарантиях безопасности между государствами-участниками и ядерными державами, вопросы региональной безопасности и борьбы с терроризмом (6).

1. Динамика упоминаний слов "Центральная Азия и пять центральноазиатских стран" в декларациях ШОС по годам

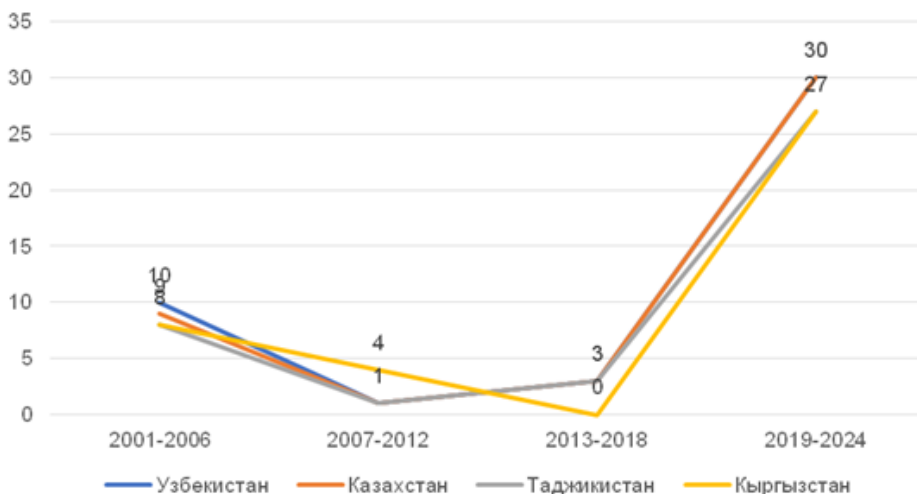
Источник: таблица составлена автором, источник данных – официальный сайт ШОС.

В 2019-2024 годах количество упоминаний стран значительно увеличилось (Узбекистан – 30 раз, Казахстан – 30 раз, Таджикистан – 27 раз, Кыргызстан – 27 раз), а содержание их предложений стало более разнообразным. Например, в 2020 году Узбекистан предложил создать в ЦА под эгидой ООН Регионального центра развития транспортно-коммуникационной взаимосвязанности (7), в 2024 году Казахстан продвигает создание в г. Алматы Регионального центра ООН по целям устойчивого развития для ЦА и Афганистана (8), и обе инициативы выдвинуты от имени «Центральной Азии» как коллективного образования. Такие изменения свидетельствуют о том, что государства ЦА посредством механизма сотрудничества постепенно укрепляют свою коллективную идентичность.

Сравнивая предложения государств ЦА в различных областях, мы наблюдаем, что их коллективная идентичность укрепилась в сфере безопасности, экономики и культуры. Во-первых, в области безопасности раннее сотрудничество было сосредоточено на создании «безъядерной зоны в Центральной Азии», например, в 2014 году подписали с ядерными державами Протокол о безопасности, в котором подчеркивается, что «безопасность в Центральной Азии должна обеспечиваться собственными силами» (8). В 2020 году Таджикистан возглавил «Душанбинский процесс», направленный на интеграцию международных ресурсов для противодействия угрозам безопасности в Афганистане, что отражает консенсус в регионе по вопросам совместного реагирования на вызовы (8).

Во-вторых, в экономической и культурной сферах в 2020 году Узбекистан выступил с инициативой создания «центра транспортной взаимосвязи», цель которого – интегрировать логистические сети Центральной и Южной Азии в рамках ООН. Кроме того, Кыргызстан продвигает культурную идентичность в регионе через культурные проекты, такие как «Всемирные игры кочевников», инициативу о культурно-интеграционном Центре стран ШОС и Шелкового пути и т.д. [9. С. 60-69].

2. Динамика упоминаний терминов "Центральноазиатских стран" в декларациях ШОС по годам

Источник: таблица составлена автором, источник данных – официальный сайт ШОС (8).

По таблице 2, с 2001 по 2024 количество упоминаний четырех государств ЦА, входящих в ШОС, в декларациях имеет тенденцию к росту.

После смены власти в 2016 году Узбекистан перешла к политике открытости, с 2018 года его предложения в рамках ШОС в основном сосредоточены на развитии региональной интеграции, например, инициативы о создании в ЦА под эгидой ООН Регионального центра развития транспортно-коммуникационной взаимосвязанности и разработке Концепции взаимодействия государств-членов ШОС в области «умного» сельского хозяйства и внедрения агроинноваций, что отражает переход страны от «пассивного участника» к «дизайнеру повестки дня».

Казахстан, благодаря своим экономическим и географическим преимуществам, долгое время выступал в роли регионального координатора. В 2017 году он часто упоминался в связи с «избранием в качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН» (9), а в 2024 году возглавил предложения по биобезопасности, созданию центра устойчивого развития и созданию Инвестиционного фонда ШОС и выступили за его дальнейшую проработку (9), которые были упомянуты

9 раз, что свидетельствует о его стратегии расширения влияния через многосторонние платформы.

Основные темы Таджикистана связаны с водными ресурсами и борьбой с терроризмом. В 2018 году страна продвигала инициативу о Международном десятилетии действий «Вода для устойчивого развития, 2018-2028» (10), в 2022 году усилила «Душанбинский процесс», и количество ее предложений стабильно растет.

Кыргызстан повышает свою вовлеченность за счет культурного мягкого влияния. В 2018 году он провел «Всемирные игры кочевников». В 2020 году количество его предложений достигло 10, что увеличило разнообразие вопросов, рассматриваемых в рамках ШОС.

В целом, сравнивая содержание предложений этих стран, можно сделать вывод, что Узбекистан, Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан в основном полагаются на свои экономические и политические преимущества, а также на сильное влияние в регионе, активно продвигая интеграцию государств ЦА и укрепляя дипломатический вес стран региона путем создания «центральноазиатского коллектива», чтобы увеличить свой голос в системе международных отношений. Они еще уделяют больше внимания вопросам безопасности и гуманитарным вопросам (водоресурсы, охрана окружающей среды, спорт) и активно реализуют проекты культурного сотрудничества внутри своих стран, способствуя формированию коллективной идентичности государств ЦА в культурной сфере.

Содержание пяти ключевых слов, упомянутых в декларации, коммюнике и совместном заявлении ШОС, со временем претерпело значительные изменения. Начиная с 2018 года, четыре центральноазиатских государства на протяжении шести лет подряд в ежегодных документах выражают поддержку инициативе «Один пояс, один путь» и ее сопряжении с инициативой «Евразийский экономический союз». Ранее четыре государства не делали подобных единых заявлений. Это тесно связано с развитием процесса интеграции в ЦА. После прихода к власти президента Узбекистана Шавкат Мирзиёева внешняя политика страны стала более открытой. Ранее сотрудничество в рамках «Один пояс, один путь» в ЦА осуществлялось в основном на двусторонней основе, но изменение отношения Узбекистана к интеграции создало основу для многостороннего сотрудничества в рамках этой инициативы.

С 2021 года в декларациях ШОС четыре года подряд упоминается фраза «Центральная Азия является ядром ШОС», которая ранее в документах не встречалась. С 2017 года в ШОС вступили Индия, Пакистан, Иран и Беларусь, и после расширения организации ее географический охват распространился на Южную Азию и Ближний Восток. В связи с механизмом принятия решений в ШОС, если хотя бы одна страна не согласна, проект не может быть реализован, поэтому право четырех государств ЦА как стран-создателей на принятие решений в организации в определенной степени ограничено. Такое выражение является заявлением ШОС, подчеркивающим центральное положение ЦА.

Помимо повторяющихся положений, мы также наблюдаем изменения в предложениях этих государств в рамках ШОС. Во-первых, с течением времени

предложения превратились из «принципиальных заявлений» в «проблемно-ориентированное сотрудничество», а государства ЦА из пассивных участников превратились в дизайнеров повестки дня. Во-вторых, в последние годы предложения стран охватывают более широкий области вопросов: помимо традиционных тем безопасности и экономики, в них появились такие области, как спорт, здравоохранение и охрана окружающей среды.

В плане безопасности ситуация в Афганистане всегда была источником угрозы для безопасности Центральной Азии. В 2002 году в Декларации ШОС Афганистан был упомянут следующим образом: «Безопасность Центральной Азии неразрывно связана с перспективами мирного процесса в Афганистане» и «будут наращивать сотрудничество между собой в области содействия послевоенному политическому и экономическому восстановлению этой страны» (11). В 2007 году, государства-члены «выражают озабоченность исходящей с территории Афганистана наркоугрозой и ее негативным влиянием на регион Центральной Азии» и была «активизирована деятельность Контактной группы ШОС – Афганистан» (12). На данном этапе Таджикистан и Узбекистан, граничащие с Афганистаном, не выдвинули собственных предложений.

Однако в последние годы центральноазиатские государства проявляют более глубокую озабоченность проблемами, связанными с Афганистаном, и начинают выдвигать инициативы в области экономики, развития и безопасности, с тем чтобы обеспечить стабильность в ЦА. Во второй половине 2019 года Республики Узбекистан провели в г. Ташкенте министерское заседание восьмой Конференции регионального экономического сотрудничества по Афганистану (RECCA VIII) (13). В 2022 году предложил Республики Казахстан о создании Центра ООН по Целям устойчивого развития для Центральной Азии и Афганистана (14). В 2023 году выдвинул инициативу Республики Таджикистан по развитию концепции создания пояса безопасности вокруг Афганистана (15). Все это свидетельствует о повышении уровня участия государств ЦА в делах региона.

Во-вторых, предложения государств ЦА характеризуются разнообразием. В сфере транспортной взаимосвязи Узбекистан в 2020 году выступил с инициативой создание регионального транспортного центра в рамках ООН (16), который будет непосредственно обслуживать строительство логистической сети ОПОП и содействовать экономической интеграции Центральной и Южной Азии. Республики Таджикистан предложил об учреждении Международного фонда защиты ледников в этом же году для защиты окружающей среды. В области борьбы с финансированием терроризма Таджикистан в 2022 году предложил провести в рамках «Душанбинского процесса» встречу на высоком уровне с целью консолидации международных ресурсов для противодействия угрозам безопасности, исходящим из Афганистана, и предложил конкретные меры, такие как «Пояс безопасности» (17).

Возможность сопряжения интеграции ЦА и развития ШОС. В процессе интеграции перед государствами центральноазиатского региона много вызовы. Во-первых, ЦА, являясь важным узлом евразийского континента, занимает

значимое место во внешнеполитических стратегиях множества акторов. В процессе региональной интеграции государства ЦА сталкиваются с проблемой взаимодействия с внешними силами – Россией, Китаем, США, Турцией и арабскими странами, формирующими внешнеполитический контекст региона. Успешная интеграция возможна лишь при условии относительной стабильности этой среды.

Китай последовательно наращивает влияние в ЦА, став ключевым стратегическим партнером. Экономические интересы в последнее десятилетие стали основным драйвером двустороннего сотрудничества. Отношения Турции с регионом основаны на культурно-исторической близости, особенно в рамках Тюркского совета и программы «Тюркское видение-2040», где Анкара продвигает культурную интеграцию и инфраструктурные инвестиции.

ЕС, будучи крупным инвестором, реализует проекты развития транспортной инфраструктуры через инициативу «Глобальный шлюз». США акцентируют сотрудничество в сфере безопасности, сочетая антитеррористическую деятельность с программами экономического развития. Совместные усилия США и ЕС направлены на поддержку многовекторной внешней политики центральноазиатских государств.

Отношения с Россией отражают эволюцию стратегий государств ЦА. Несмотря на сокращение российских инвестиций после украинского кризиса, Москва сохраняет роль важного поставщика энергоресурсов и партнера в сфере безопасности. Однако центральноазиатские государства последовательно диверсифицируют внешнеполитические связи, стремясь к балансу между традиционными и новыми партнерами.

Во-вторых, отношения между государствами ЦА отличаются сложной динамикой. Несмотря на общее географическое пространство и историко-культурное наследие, интенсивность двусторонних контактов на высшем уровне в постсоветский период долгое время уступала взаимодействию с внешними акторами. Многосторонний формат часто сталкивается с претензиями по вопросам делимитации границ и трансграничных ресурсов.

Особую остроту сохраняет водно-энергетический вопрос: переговоры по Рогунской ГЭС между Узбекистаном и Таджикистаном, несмотря на подписание меморандума 2023 года, продолжают оставаться предметом дискуссий. Пограничные противоречия между Кыргызстаном и Узбекистаном, включая инциденты с минированием территорий, периодически обостряют ситуацию. В контексте региональной безопасности и экономического сотрудничества наблюдается конструктивное соперничество Казахстана и Узбекистана за лидерские позиции.

В-третьих, в ЦА тенденция развития экономического сотрудничества осталась открытой, что связано с диспропорцией экономических моделей развития, вопросами трансграничного управления ресурсами, асимметрией политических приоритетов и влиянием внешнеэкономических стратегий третьих

сторон. Дополнительным ограничителем выступает дефицит транспортно-коммуникационной инфраструктуры.

Таким образом, современные задачи центральноазиатской интеграции включают реализацию многовекторной внешней политики через участие в ключевых международных структурах (ШОС, ОДКБ, ЕАЭС), что позволяет использовать конкурентный потенциал внешних партнеров для создания стабильного периметра регионального развития. Кроме этого, необходимо продвигать институционализацию формата C5, где за последние три года достигнуто ежегодное проведение консультативных встреч глав государств, запуск механизма «ЦА+» для диалога с внешними партнерами и принятие Программы регионального сотрудничества до 2030 года. В-третьих, способствовать синхронизации экономических стратегий через реализацию инфраструктурных проектов и цифровизацию таможенных процедур в рамках «цифрового Шелкового пути».

ШОС выполняет роль ключевой платформы, обеспечивая координацию анти-террористических усилий (Региональная антитеррористическая структура) и реализацию транзитных проектов (например, коридор «Центральная Азия – Персидский залив»). И некоторые ее характеристики соответствуют с интеграцией ЦА [12. С. 59-70].

Во-первых, направления развития ШОС и интеграции ЦА совпадают. С 2019 по 2023 год ШОС выдвинула более 400 предложений и инициатив в области безопасности и экономики. Можно сказать, что с реализацией этих предложений и инициатив ШОС безопасность и экономическое положение стран Центральной Азии, а также безопасность и экономическое сотрудничество в регионе будут еще более укреплены. В сентябре 2021 года на саммите ШОС в Таджикистане ЦА была определена в качестве ядра ШОС. Это также свидетельствует о том, что ШОС будет уделять больше внимания стабильности и развитию ЦА, которая является стратегическим центром ШОС на будущее, а также представляет собой возможность для интеграционного развития ЦА.

Во-вторых, ШОС способствует углублению сбалансированной дипломатической стратегии государств ЦА. Являясь многосторонним механизмом сотрудничества, ШОС предоставляет сторонам платформу для равного участия, позволяющую им выражать свою позицию в международных делах и отстаивать суверенитет и независимость. Через ШОС они могут расширять связи со странами-наблюдателями и партнерами по диалогу. Такой механизм эффективно смягчает давление геополитической конкуренции внутри и за пределами региона и обеспечивает центральноазиатским членам большую самостоятельность в игре великих держав. Кроме того, ШОС способствует сотрудничеству в различных областях, таких как экономика, безопасность и культура, закладывая основу для сбалансированного развития государств и повышения дискурсивной силы на международной арене.

В-третьих, активизация деятельности ШОС в ЦА происходит на фоне усиления конкуренции между крупными державами за влияние в регионе. После начала специальной военной операции России на Украине в 2022 году геополитическая

значимость ЦА как ключевого узла евразийской безопасности существенно возросла. Тот факт дает государствам ЦА возможность дальнейшего продвижения собственного многовекторного внешнеполитического курса [15. С. 142-147].

Заключение. Анализ развития интеграционных процессов в Центральной Азии показывает, что, несмотря на сложный путь продвижения вперед, создание механизма встреч глав государств Центральной Азии в 2018 году свидетельствует о появлении новых объединяющих факторов в регионе в новых условиях. Деятельность ШОС в объективных условиях способствует продвижению процесса центральноазиатской интеграции.

С точки зрения целей развития, согласно документам, подписанным на шестом саммите лидеров Центральной Азии, текущие приоритеты стран региона во внутреннем сотрудничестве сосредоточены в сферах энергетики, транспортной инфраструктуры, водных ресурсов и регионального сотрудничества. Таким образом, ожидания центральноазиатских стран относительно интеграции по содержанию фактически совпадают с целями развития ШОС.

В культурном аспекте центральноазиатская интеграция направлена на раскрытие общих элементов традиционной культуры пяти стран и формирование коллективной центральноазиатской идентичности. «Шанхайский дух», провозглашающий «уважение к многообразию культур», поддерживает сохранение национальных традиций.

С политической точки зрения, центральноазиатские государства, имеющие исторический опыт бывших колоний и относящиеся к «глобальному Югу», прошли сложный путь обретения государственного суверенитета. Это обуславливает их сопротивление передаче суверенных полномочий в рамках участия в международных организациях. Большинство членов ШОС также имеют схожий исторический фон, поэтому организация с момента основания не устанавливает жестких норм в вопросах разоружения, информационной безопасности и прав человека, неоднократно подчеркивая принцип «уважения государственного суверенитета». Эта особенность повышает заинтересованность центральноазиатских стран в участии в ШОС.

Подводя итог, анализ документов и деятельности ШОС на сегодняшний день позволяет утверждать, что организация поддерживает центральноазиатскую интеграцию и способствует ее развитию в различных сферах.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Договор о создании Единого экономического пространства между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан – ИПС «Әділет».

(2) 吉尔吉斯关闭美空军基地意味着什么-中亚研究网

(3) [军事报道]美国企图在中亚部署军事基地 中亚国家先后表态拒绝美部署军事基地_CCTV节目官网-CCTV-7_央视网 (cctv.com).

(4) <https://rus.sectsco.org/images/07e8/0c/03/1608448.pdf>.

(5) <https://rus.sectsco.org/images/07e8/0c/04/1609164.pdf>.

- (6) <https://rus.sectsko.org/images/07e8/0c/04/1609453.pdf>.
- (7) <https://rus.sectsko.org/images/07e8/0b/1c/1604127.pdf>.
- (8) <https://rus.sectsko.org/images/07e8/0b/14/1597669.pdf>.
- (9) <https://rus.sectsko.org/images/07e8/0b/1b/1602789.pdf>.
- (10) <https://rus.sectsko.org/images/07e8/0b/1b/1603039.pdf>.
- (11) <https://rus.sectsko.org/images/07e8/0c/03/1608506.pdf>.
- (12) <https://rus.sectsko.org/20070816/1609454.html>.
- (13) <https://rus.sectsko.org/images/07e8/0b/1b/1602298.pdf>.
- (14) <https://rus.sectsko.org/images/07e8/0b/16/1600203.pdf>.
- (15) <https://rus.sectsko.org/images/07e8/0b/14/1597647.pdf>.
- (16) <https://rus.sectsko.org/images/07e8/0b/1b/1603788.pdf>.
- (17) <https://rus.sectsko.org/images/07e8/0b/16/1600203.pdf>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абрамов В.Л.** Развитие промышленной кооперации в Евразийском экономическом союзе в условиях санкционных ограничений // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. Т. 13. № 9.
2. **Аземкулова А.Ш.** Интеграция – важнейшее условие обеспечения безопасности стран Центральной Азии и роль политической элиты // Вестник Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики имени Казы Дикамбаева. 2020. № 13.
3. **Афиногенов Д.А., Стародуб И.В.** Стратегическое планирование на пространстве Большой Евразии: научно-теоретическое осмысление проблемы // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 2.
4. **Богатуров А.Д., Дундич А.С.** Международные отношения в Центральной Азии. М.: МГИМО, 2014.
5. **Волков А.П.** Направления хозяйственного взаимодействия стран БРИКС как средство обеспечения экономического суверенитета в условиях кризиса системы глобального экономического управления // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 2.
6. **Гао Ханьсюнь.** Региональное экономическое сотрудничество в ШОС: движущие силы, препятствующие факторы и выбор пути // Глобализация. 2022. № 3.
7. **Го Шаньшань.** Россия и Китай в Центральной Азии: сравнение политики и взаимные отношения // Вопросы политологии. 2025. № 3.
8. **Дедковский А.В.** Возможные подходы России к развитию углеродного регулирования на площадке ЕАЭС // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 1.
9. **Колдунова Е.В.** Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов // Сравнительная политика. 2013. № 2 (12).

10. **Мальшева Д.Б.** Проблемы регионализации постсоветской Центральной Азии // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 3.
11. **Медведев Н.П.** Шанхайская организация сотрудничества (ШОС): основные направления деятельности (Часть II) // *Вопросы политологии*. 2025. № 4.
12. **Михайленко В.И.** Внешние триггеры интеграционных процессов в Центральной Азии / В.И. Михайленко, Р. Сухроб // *История и современное мировоззрение*. 2021. Т. 3. № 1.
13. **Сафранчук И.А.** Евразийская интеграция как долгосрочный проект для Центральной Азии в рамках мирового тренда регионализации / И.А. Сафранчук, В.А. Харченко // *Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет)*. 2015. № 4 (51).
14. **Скуридин А.А., Малявина А.Б., Шевченко А.В., Григорян Д.К.** Перспективы развития ОДКБ: вызовы и возможности в контексте поддержания мира в постсоветских регионах // *Евразийский Союз: вопросы международных отношений*. 2025. № 1.
15. **Фэн Чжэн, Сюэ Литай.** Обратное «распространение»: безопасность и расширение сотрудничества в ШОС // *Вестник Сианьского транспортного университета (Социальные науки)*. 2019. Т. 39. № 2.
16. **Хопёрская Л.Л.** Евразийская безопасность: концепции и инициативы // *Евразийский Союз: вопросы международных отношений*. 2025. № 1.
17. **Хусаинова С.С.** Геополитическое измерение евразийской интеграции // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2025. № 3.
- 18-9. **Цзэн Сянхун.** Анализ содержания и ценности «модели развития ШОС» // *Южноазиатские исследования*. 2024. № 2.
19. **Чжан Нин.** Новые тенденции интеграции Центральной Азии и их влияние на Шанхайскую организацию сотрудничества // *Международные исследования*. 2018. № 3.
20. **Чжоу Мин.** Основные факторы, влияющие на интеграцию Центральной Азии // *Международные исследования*. 2016. № 3.
21. **Ярар Мурат.** Влияние Шанхайской организации сотрудничества на развитие Центральной Азии с использованием концепции неравномерного и комбинированного развития // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2025. № 4.

LU ZHENZHUN

Postgraduate student, Department
of Political Science of the East, Lomonosov Moscow
State University, China

ACADEMIC SUPERVISOR: N.S. KULESHOVA

Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov
Moscow State University,
Moscow, Russia

PROSPECTS FOR CONNECTING CENTRAL ASIAN INTEGRATION AND SCO DEVELOPMENT

The Central Asian region includes several states; this study examines five former Soviet republics: Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and the process of forming their collective identity within the framework of international co-operation mechanisms. Since the 1990s, these countries have consistently developed the process of regional integration - from the signing of the Treaty on the Common Economic Space (1994) to the establishment of the Consultative Meetings of the Heads of State of Central Asia (2018). After a long period of searching for a suitable development path, the countries have reached a consensus: stimulating the development of regional cooperation and integration relations is a key factor in raising their status in the hierarchy of international relations.

The study comprehensively analyses three aspects of the states' activities: the dynamics of the number, substantive characteristics and strategic value of the five states' proposals and projects within the SCO through quantitative data analysis and textual study of documents. These five states have gradually transformed from the role of «follower of a power's decision» into new international players with regional influence in the international system.

The SCO, being one of the important international organisations with CA participation, played a role in the process of integration development of the region. This article will examine whether the directions of future development of the SCO and the CA states are in line with each other.

Key words: Central Asian region, integration, SCO, SCO declarations and statements, international relations.